

ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ

ЭРАЗМА СТОГОВА.

VI ¹⁾.

П. Н. Семеновъ и А. П. Бунина.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXIII, напечатанъ: «Митюха Валдайской». Въ примѣчаніи говорится, что авторъ этой пародіи—Петръ Николаевичъ Семеновъ. Семеновы были родными племянниками Анны Петровны и Ивана Петровича Буниныхъ, которыхъ и я звалъ теткой и дядей, а поэтому Семеновы звали меня братомъ. Семеновыхъ было пять братьевъ: Петръ, Николай, Михайлъ, Василій и Александръ Николаевичи; послѣдняго знаю по рассказамъ; онъ, помнится, убитъ подъ Бородинымъ. Объ Александрѣ вспоминали Бунины какъ о талантливомъ: онъ самъ нарисовалъ свой портретъ—весьма похожій. Петра Николаевича я видалъ то у А. П. Буниной, то у И. П. Бунина. П. Н. Семеновъ всегда былъ щегольски одѣтъ въ форму оберъ-офицера; былъ очень красивый мужчина, роста вершковъ девяти; черные, очень густые, кудрявые волосы, довольно широкое, съ тонкими чертами, энергическое, подвижное лицо съ острымъ носомъ, замѣчательно широкая грудь, мускулистый, правильно сложенный—наружность богатыря-красавца, пріятный голосъ, говорилъ очень скоро, будто торопился. Онъ старшій братъ.

---

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 301—316; 616—632. Томъ XXIII, стр. 99—117; 499—530; 631—704.

Оперетка «Удача отъ неудачи, или приключеніе въ жидовской борчмѣ» была написана, должно быть, около 1816 года, а на сцену поставлена 1818 года, если не ошибаюсь, на святкахъ. Эту оперетку я видѣлъ въ рукописи у А. П. Буниной, еще гардемариномъ, а въ театрѣ, въ ложѣ съ теткой, смотрѣлъ первое представленіе уже офицеромъ. Помню, весь театръ хоталъ, когда жидъ, одѣтый по домашнему въ чулкахъ и башмакахъ, на аванъ-сценѣ, со всѣми характерными ужимками хитраго еврея, перепрыгивалъ съ одной стороны стоявшаго спокойно господина на другую и пѣлъ: „Спію пану писню-ладзирду, шинцерераверъ, мицерби, шини мине ванцеръ ми. Спію и станцюю, ладзирду и проч.“ Не объясню, какъ могла оживить память слова, совершенно для меня непонятныя! Минуло 60 лѣтъ, а, вѣроятно, ни разу не вспомнилъ оперетку: «Жидовская борчма», какъ тогда называли ее; должно быть, теперь трудно, если и можно найти эту шутку, но мнѣ припомнилось безъ моей воли! П. Н. Семеновъ много писалъ, часто читалъ теткѣ, а у дяди нѣсколько разъ призывалъ пѣвчихъ, разучивали и пѣли: кантаты, торжественные гимны, пѣсни шутивыя, застольныя—нѣсколько разъ случалось мнѣ слушать. Помню, тетка часто хвалила, но разъ сказала: «Петруша, брось, это неприлично». Петръ Николаевичъ казался мнѣ очень солиднымъ по сравненію съ братьями; говорили, что онъ былъ въ милости цесаревича Константина Павловича.

Второй братъ Николай и третій Михайлъ служили въ Измаиловскомъ полку; съ этими я часто видѣлся; бывало, гвардейцы частенько смѣялись надъ морякомъ-гардемариномъ, частенько подхватывали классныя мои выраженія, но тетка всегда защищала меня. Помню, я сказалъ: можно постепенно приобрести остойчивость характера. Гвардейцы разразились хохотомъ надъ постепенною остойчивостію. Тетка принялась доказывать разумность и правильность выраженія идеи и довела до того, что гвардейцы и не рады были; она ловко и встати пожелала имъ постараться приобрести постепенно остойчивость характера. Николай и Михайлъ жили въ одномъ домѣ съ дядей; Семеновы были тамбовскіе помѣщики, получали изъ дома содержанія до 30-ти тысячъ, но никогда не было у нихъ денегъ—долги и все въ долгъ. Разъ, я пріѣхалъ изъ Кронштадта, привезъ своенныхъ послѣ похода во Францію сто рублией. Узнали Семеновы,

обрадовались, отняли деньги, спили мнѣ, что я желалъ, рублей на 150, да подарили духовъ, помады, дорогаго курительнаго табаку: взяли все въ долгъ, деньги имъ были дороги. Николай въ послѣдствіи былъ губернаторомъ въ Вяткѣ. Слышалъ, что, года три, четыре тому назадъ, онъ умеръ въ Кіевѣ. Михайлъ пустился въ спекуляціи не по силамъ и умеръ. Василій, мой ровестникъ, воспитывался въ Царскосельскомъ лицѣѣ; въ праздники, мы бывали съ нимъ вмѣстѣ у тетки Буниной. Помню огромную разницу между нами: я специалистъ, а онъ энциклопедистъ по наукамъ! я казался неучемъ передъ Васей! его мягкія манеры, его готовность участвовать въ разговорѣ были моею завистью. Онъ былъ истинно благовоспитанный баричъ, я—неловкій матросъ. Никогда не забуду, что я обязанъ Васѣ: учебною славой въ корпусѣ. Тогда появилась метода отвѣчать урокъ своими словами, а не по книгѣ; въ лицѣѣ уже введена была эта манера, а въ корпусѣ нѣтъ еще. Кажется, не большая мудрость, но я не могъ исполнить, пока Василій не далъ мнѣ три урока. Явилось и въ корпусѣ это требованіе. Помню, Марко Филипычъ Горьковенко потребовалъ эту мудрость; никто не исполнилъ; дошла очередь до меня—я отличился. По возвращеніи изъ Камчатки, я часто бывалъ у Василія; въ 1833 году онъ былъ ценсоромъ. Очень любилъ я этого умнаго, благороднаго и добраго человѣка. Умеръ Василій не очень давно, тайнымъ совѣтникомъ.

Анна Петровна Бунина — десятая муза, какъ тогда ее звали, жила весьма скромно, кажется, только пенсіями отъ всѣхъ особъ царствующаго дома. Она была небольшого роста, немного продолговатое лицо, черные волосы, но лицо бѣлое съ прекраснымъ румянцемъ, очень живые, блестящіе глаза, движенія граціозны—была замѣчательно хорошенькою. Можетъ быть, некому уже разсказать, да не всякій и тогда зналъ, какъ сдѣлалась дѣвица Бунина поэтессою? не много и я знаю. Бунина занимаетъ хотя маленькое мѣсто въ исторіи русской литературы, но всетаки она изъ первыхъ русскихъ дѣвицъ—поэтесса. Изъ довольно богатой тамбовской фамиліи, А. П. Бунина осталась бѣдною сиротой. Кто привезъ ее въ Петербургъ—не знаю, не знаю какая связь была съ Ахвердовымъ. Генералъ Ахвердовъ назывался кавале-

ромъ вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны и былъ учителемъ математики великихъ князей; онъ жилъ въ Михайловскомъ замкѣ, занималъ весь нижній этажъ. Сирота-дѣвица Бунина почему-то жила въ семействѣ Ахвердова. Однажды генераль совѣтовалъ сироткѣ написать просительное письмо къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Бунина пріютилась у широкаго подоконника и два дня сочиняла письмо. Ахвердовъ взглянулъ и удивился, что, вмѣсто письма, сиротка пишетъ стихи. Добрый и ласковый генераль сказалъ, что онъ совѣтовалъ написать письмо. Анна Петровна наивно отвѣчала, что это письмо она пробовала писать, но такъ ей легче. Ахвердовъ, прочитавъ, совѣтовалъ окончить и переписать. Это письмо стихами доставило Буниной 500 рублей пенсіи. Черезъ Ахвердова поднесены стихи государю—Буниной 500 р. пенсіи. Оду в. к. Константину Павловичу—Буниной 500 р. пенсіи. Отъ кого еще пенсіи—не помню. Этотъ успѣхъ ободрилъ Бунину въ стихотворству. Тетка подарила мнѣ свое полное изданіе; конечно, я читалъ, но, при всемъ моемъ благоговѣніи къ моей благодѣтельницѣ, теперь не сталъ бы читать ея сочиненій. Могу засвидѣтельствовать, что она не переставала учиться. Русской словесности училъ ее мой корпусный учитель Гроздовъ; училась англійскому языку. Сочиняла стихи съ большимъ трудомъ. Говорила она прекрасно, почти всегда господствовала въ гостиной и за обѣдомъ. Анна Петровна изрѣдка представлялась во двору; къ тоалету ея не допускались племянники, гвардейцы, я одинъ имѣлъ дозволеніе прислуживать. Помню, разъ, видя, что тетка бѣлится и румянится, я въ простотѣ замѣтилъ:

— Вы, тетенька, такая хорошенькая, бѣленькая и румяная, для чего же вы бѣлитесь и румянитесь?

Она отвѣчала мнѣ: «глупенькой, это этикетъ двора, я могу сконфузиться, поблѣднѣть или покраснѣть, тѣмъ могу обезпечить царскихъ особъ, а наблѣвшись—я не измѣнюсь въ лицѣ».

Анна Петровна Бунина была любимой гостей въ высшей аристократіи Петербурга. Въ тѣ дома, въ которыхъ я бывалъ часто съ теткою, гардемаринномъ и офицеромъ, и былъ какъ свой въ семействахъ, возвратясь изъ Камчатки штабъ-офицеромъ, но безъ тетки, я не подалъ и въ прихожую. А. П. Бунина въ послѣдствіи страдала какою-то нервною болѣзнью въ рукѣ, по милости императрицы, объѣздила всѣ столицы Европы, но облег-

ченія болѣзни не нашла. Мнѣ рассказывали, что она избавлялась мучительной боли въ присутствіи извѣстной Татариновой и будто чувствовала приближеніе внѣ дома этой сектантки.

Въ первой четверти столѣтія, всему высшему кругу Петербурга былъ извѣстенъ неистощимый весельчакъ Иванъ Петровичъ Бунинъ; онъ былъ старшій братъ десятой музы. На службѣ былъ лейтенантъ и постоянный адъютантъ адмирала Ханькова, холостякъ, умный, хорошо образованный, очень добрый; веселоправіе его не имѣло границъ, изобрѣтательность въ разнообразіи удовольствій была безконечна, гдѣ веселье—тамъ онъ необходимый режиссеръ. Онъ былъ хорошаго роста, вершковъ восьми, хорошаго здоровья, брюнетъ, всегда готовый на доброе дѣло, и неустанный создатель и участникъ удовольствій, но постоянный врагъ своимъ деньгамъ. Всегда числился гдѣ-то на службѣ, знаю только, что однажды онъ былъ инспекторомъ колонистовъ подъ Петербургомъ; и тутъ было не безъ фарса: онъ свободно говорилъ на ихъ языкѣ и дѣлалъ для нихъ балы. Онъ отличался особенными свойствами, до глубокой старости сохранились у него необыкновенно густые волосы на головѣ; по особенному устройству кожи на черепѣ, она свободно двигалась, такъ что, дернувши за волосы въ одномъ мѣстѣ, всѣ волосы поднимались въ эту сторону. Онъ могъ свободно шевелить ушами. Очень пріятно пѣлъ, красиво танцевалъ, былъ щеголь, немного музыкантъ. Былъ любимецъ дамъ, которымъ онъ умѣлъ нравиться; въ обществѣ мужчинъ, окружающихъ его, всегда былъ общій смѣхъ. Кронштадтскій клубъ и до сего времени, въ годовщину клуба, пьетъ за здоровье учредителя клуба Ивана Петровича Бунина. Я не помню случая, чтобы онъ отказалъ кому либо въ своемъ ходатайствѣ. Бывало, удастся занять денегъ, сейчасъ устраиваетъ у себя званый вечеръ. Не такъ давно, я видѣлъ сохранившійся у меня пригласительный его билетъ: «Кумъ свахи Аполлона Иванъ Бунинъ покорнѣйше просить», и проч. На его вечерахъ много бывало дамъ изъ высшаго круга, а хозяйкой была сестра его. Вечеръ открывался своеобразнымъ концертомъ. Намъ, племянникамъ, раздавались музыкальные инструменты и каждому тотъ инструментъ, на которомъ не умѣетъ играть, мнѣ доставались тарелки. Бунинъ зналъ по нѣсколько пѣсенъ на всѣхъ

языкахъ, какъ на европейскихъ, такъ и на азіатскихъ; самъ садился за фортепіано и пѣлъ турецкую пѣсню; по данному имъ знаку, мы усердно ударили въ инструменты—вѣроятно, эта какофонія походила на турецкую музыку. За турецкими, слѣдовали персидскія, цыганскія—хохота было много. Бунинъ пѣлъ чувствительныя нѣмецкія пѣсни, веселыя и шаловливыя французскія и очень натурально представлялъ поющаго пьянаго англичанина. Дамы уходили въ другую комнату—для мужчинъ пѣлъ скромные куплеты съ гримасами, ужимками, съ речитативомъ, мужчины хохотали, дамы смѣялись и будто не слышали. Были небольшіе танцы. Подсѣлъ Бунинъ къ хорошенькой дамѣ, я стоялъ за стуломъ и слушалъ любезности его; дама безпрестанно обмахивала свою голову: оказалось, Бунинъ очень вѣрно подражалъ мухѣ, запутавшейся въ ея волосахъ. Бунинъ былъ неутомимъ, неистощимъ, все было прилично и всѣ были веселы. Тогда явилась новая игра—въ синонимы и омонимы; одинъ уходитъ въ другую комнату, кругъ общества назначаетъ синонимъ; призванный имѣеть право сдѣлать каждому въ кругѣ три вопроса и отгадать заданное слово; на комъ отгадано, тотъ выходитъ. Помню, досталась мнѣ задача «валь». Помню, какъ боялась тетка, что я осрамлюсь, не угадаю, но я отгадалъ по второму вопросу и тетка была довольна. Не отгадать было стыдно, казалось тупоуміемъ. Вечера Бунина были рѣдки, но всегда веселы по разнообразію удовольствій. Случалось мнѣ слышать разговоръ Бунина, какъ веселились накануне у Нарышкина; не помню, кого-то хоронили въ снѣгу. Бунинъ, уставщикъ похоронъ, всѣхъ костюмировалъ и учреждалъ кортежъ; Нарышкинъ былъ попомъ, кто-то дьякономъ, пѣвчіе. Опьянѣвшаго до безчувствія несли на простынѣ, со свѣчами, съ пѣніемъ—всѣ серьезные, и хоронили въ сугробъ снѣга. Въ то время, подобная потѣха часто практиковалась по деревнямъ у разгулявшихся помѣщиковъ.

Извѣстно мнѣ устроенное Бунинымъ тайное общество «кавалеровъ пробки». Всѣ члены, въ своемъ собраніи, имѣли въ пелтицѣ сюртука пробку. Однажды было засѣданіе тайнаго общества въ Петергофѣ. Не бывши членомъ общества, я былъ приглашенъ обѣдать. За обѣдъ садились между дамъ мужчины, пѣли хоромъ пѣсню, кажется, сочиненную Бунинымъ: «Поклонись сосѣдъ сосѣду, сосѣдъ любить пить вино. Обними сосѣдъ сосѣда, сосѣдъ любить

пить вино. Поцѣлуй сосѣдъ сосѣда, сосѣдъ любитъ пить вино». Послѣ каждаго пѣнія—исполнялось точно по уставу. Бунинъ былъ грессъ-мейстеръ. Думаю, что такое тайное общество запрещено правительствомъ не было.

Вспоминаю ходившій тогда анекдотъ, мнѣ его не случилось читать въ печати. Александръ I выразилъ желаніе Нарышкину—имѣть попугая. Нарышкинъ поднесъ отличнаго своего сѣраго попугая. Въ Пасхѣ дѣлаются представленія въ наградамъ, государь приказалъ прочесть списокъ; читавшій только сказалъ: статскій совѣтникъ Гавриковъ, попугай закричалъ: «Гаврикову пуншу, Гаврикову пуншу!» Государь приказалъ отложить награду Гаврикову до справки: можетъ быть, это какой нибудь пьяница. Оказалось, Гавриковъ принадлежалъ къ веселой, но благородной партіи Нарышкина, и всякій разъ, какъ входилъ Гавриковъ, Нарышкинъ кричалъ: «Гаврикову пуншу!» Попугай заучилъ фразу и повторялъ при имени Гаврикова. (См. рассказъ объ этомъ-же въ концѣ книги).

Анна Петровна Бунина привезла меня въ Петербургъ, брала по праздникамъ изъ корпуса, ласкала меня, возила съ собою въ высшее общество и тѣмъ хотѣла усвоить дикому мальчику общественныя приличія. Иванъ Петровичъ Бунинъ опредѣлилъ меня въ корпусъ, тоже бралъ къ себѣ по праздникамъ; его ходатайство доставило мнѣ возможность попасть въ Камчатку—оба благодѣтельствовали мнѣ. Съ Иваномъ Петровичемъ я постоянно переписывался, высылалъ къ нему соболей, просилъ его продать, а деньги власть въ банкъ. По его извѣстіямъ, денегъ моихъ накопилось въ банкѣ двадцать тысячъ рублей ассигнаціи. Лѣтъ 60-ти Бунинъ женился. Когда, черезъ 15 лѣтъ, я возвратился изъ Сибири, Анна Петровна уже скончалась. Бунина нашель старикомъ, безъ должности; жена его умерла, оставивъ четырехъ дочекъ-малютокъ. Чѣмъ жилъ Бунинъ—не знаю. Нашель его на Васильевскомъ островѣ, въ дворѣ, во второмъ этажѣ—кажется, обживалъ новопостроенный домъ; обстановка очень бѣдна. Бунинъ читалъ библію и священныя книги. Мнѣ нужно было экипироваться, я спросилъ мой деньги. Иванъ Петровичъ вышелъ въ другую комнату, вывелъ своихъ малютокъ и вмѣстѣ съ ними сталъ на колѣни, заплакалъ и сказалъ: «другъ сердечный, крайняя нужда заставила меня издержать твои деньги. Дѣлай чтѣ хочешь». Я ни слова не сказалъ, заплакалъ и ушелъ. Послѣ этого, я не упоминалъ о своихъ деньгахъ. Бунинъ очень долго жилъ.

VII.

Памятный день въ Иркутскѣ

въ 1832 году.

Хорошъ домъ начальника адмиралтейства въ Иркутскѣ! онъ находится къ востоку отъ города, версты полторы отъ послѣднихъ домовъ, въ прекрасной, ровной долинѣ. Домъ большой, со всѣми службами, даже баня, прачешная, — настоящее барское помѣстье; при домѣ къ югу большой тѣнистый садъ, который обмываетъ быстрая рѣка Ида, прозванная народомъ Ушаковка. Ида впадаетъ въ Ангару, почти въ концѣ города, ниже по теченію. Къ сѣверу отъ дома, въ верстѣ, протекаетъ ручей подъ именемъ рѣчка Сараянка; она течетъ отъ востока, какъ и Ида, параллельно одна другой. За Сараянкой поднимается гора; изъ крупно-зернистаго песчаника этой горы дѣлаютъ памятники на могилы. Гора высотой футъ 300; 350; поднявшись на гору — сначала густой кустарникъ, далѣе лѣсъ, а далѣе гора на горѣ, лѣсъ на лѣсѣ. Въ 1832-мъ году, въ половинѣ іюля, мнѣ захотѣлось по-смотреть Каштакъ — мѣстность, о красотѣ которой много рассказывали. Въ какой-то маленькій праздникъ, рано, на моемъ бѣло-рожденномъ арабскомъ конѣ (о немъ расскажу, если не забуду), я отправился смотреть Каштакъ. На домѣ флагштокъ, на которомъ поднимался флагъ когда хозяинъ бывалъ дома и спускался по выѣздѣ. Дорога шла близъ лѣваго берега Сараянки, противъ теченія. Версты четыре далѣе Сараянка круто поварачиваетъ къ сѣверу въ узкую долину между горами, покрытыми лѣсомъ; еще верста — и долина перегораживается лѣсистою горою, соединяющеюся плотно съ горами боковъ долины. Изъ двухъ горъ долины, близъ соединенія съ поперечною, взъ середины ихъ, на ровной высотѣ, бьютъ два каскада: вотъ они-то и произвели рѣчку Сараянку. Мѣстность дѣйствительно красива; подобную картину можетъ создать только фантазія живописца: Лѣвая гора этой долины есть та гора, гдѣ дѣлаются памятники; тутъ я нашелъ пять женщинъ, лопатами нагребавшихъ въ мѣшки изъ подошвы горы крупную дресву. Цвѣтъ дресвы мнѣ показался одинаковъ съ камнями для памятниковъ. Для меня, неуча, по-

казалось удивительнымъ, какъ это въ одной и той же горѣ твердый камень и разсыпчатая дресва—по виду однородны, камень обдѣлываютъ, а дресву берутъ лопатой. Взявъ я дресвы въ платокъ и поѣхалъ по долинѣ Иды. Возвращаясь домой къ обѣду, встрѣчаю частнаго пристава.

— Куда вы?

— Да вотъ на Каштакъ.

— Зачѣмъ?

— Дали знать, что тамъ убили двухъ женщинъ.

— Я рано тамъ былъ и видѣлъ пять женщинъ, онѣ нагребали дресву.

— Три ушли, а оставшихся двухъ убили; трехъ я уже спрашивалъ.

— Кто же убилъ бѣдныхъ женщинъ?

— Бѣглые варнаки, кому же больше.

— Убийцъ не найдете?

— Гдѣ найти, да мы и не ищемъ.

— Такъ зачѣмъ же ѣдете?

— Послалъ за понятыми, чтобы поднять тѣла. Здѣсь, сударь, это не рѣдкость.

Простились. Пообѣдавъ, я пошелъ къ горѣ, гдѣ выдѣлываютъ памятники, чтобы сравнить дресву съ камнемъ. Со мною былъ годовой лягавый щенокъ Любимъ.

На горѣ, смявъ дресву въ комокъ и положивъ на камень, я не могъ отличить ее ни по цвѣту, ни по видимому составу. Недоумѣніе мое разрѣшилъ тѣмъ, что гора, гдѣ добывается камень, обращена стороною къ югу и просохла, а та же гора, имѣя бокъ къ сѣверо-востоку и затѣненная другими горами, сыра и не окрѣпла. Этимъ я былъ удовлетворенъ и, помню, умничалъ, что эта гора—относительно-недавняя работа геологическаго процесса. Разсуждая, я поднялся на гору и хотѣлъ идти далѣе, прослѣдить образованіе или фигуру горы. Недалеко отошелъ между кустами, какъ мой Любимъ началъ на приступъ озлобленно лаять и бросаться на кустъ. Предполагая, что въ кустѣ гнѣздо куропатки или какойнибудь звѣрекъ, я сказалъ: «возьми!» Смотрю, кустъ зашевелился, въ кустѣ всталъ вольнопропитанный. Онъ имѣлъ домишко верстахъ въ двухъ подъ этой горой, имѣлъ жену и полдюжины дѣтей, былъ хорошій слесарь, постоянно работалъ на адмиралтейство; началь-

ники покровительствовали ему, зная его бѣдность. Слесарь всталъ въ кусть, у него на веревкѣ черезъ плечо лукошко. Всталъ и, протирая глаза, говорить:

— Ну, ваше высок-діе, собачка ваша хоть мертваго разбудить.

— Ты что тутъ дѣлаешь?

— Да вотъ, ходилъ за грибами, не угодно ли, сударь, грибовъ?

Самъ двигается ко мнѣ. Я взглянулъ на него внимательно и вижу — въ глазахъ радужные цвѣта. Я уже освоился съ этимъ народомъ. Я отступилъ шагъ и сказалъ строго: «пошелъ прочь!» а самъ въ карманъ за пистолетъ. Онъ продолжалъ какъ бы невольно двигаться и, показывая грибы, уговариваетъ взять ихъ. Солнце свѣтило мнѣ сзади, при наклоненіи лукошка, мнѣ блеснулъ ножъ во весь діаметръ. Лѣвою рукой держалъ лукошко, а правую рукой держался за рукоятку ножа. Я еще отступилъ шагъ и, вынувъ двухствольный пистолетъ, взвелъ курки и нацѣлилъ въ него. Онъ, какъ-то судорожно, тихо двигаясь, повторялъ: «да возьмите, возьмите!» Я крикнулъ ему: стой! и побожился — еще шагъ, и выстрѣлю. Остановился. Подъ пистолетомъ прогналъ его въ лѣсъ. Но я въ лѣсъ не пошелъ, а съ грустной мыслию пошелъ по краю горы къ городу. Дѣйствительно, было о чемъ задуматься: человекъ существовалъ моимъ благодѣяніемъ, а еслибъ не Любимъ, то убилъ бы меня. Пройдя версты полторы, я дошелъ до стариннаго кладбища и сѣлъ на памятникъ. Видъ превосходный: весь Иркутскъ видѣнъ съ птичьяго полета, за нимъ широкая Ангара, устье Иркуты — великолѣпная картина! Собака бѣгаетъ подъ горой и ищетъ мышей. На кладбищѣ растутъ рѣдкия, но толстыя березы. Мелькнуло что-то отъ березы къ березѣ. Наблюдая, я увидѣлъ, что, перебѣгая отъ березы къ березѣ, подкрадывается ко мнѣ сзади тотъ же вольнопропитанный. Тогда я всталъ, съ пистолетомъ пошелъ прямо къ нему и подъ пистолетомъ проводилъ его до его дома. Вольнопропитанный, сердито ворча себѣ подъ носъ, повиновался. Вышла жена его, я приказалъ уложить его спать и запереть.

Еще рано возвратясь домой, — въ эти часы, по условію, я ѣздилъ верхомъ мимо оконъ одного дома, что будто понималъ и конь мой: убавляя шагъ, смотрѣлъ на окна и точно кланялся мотая головою. Чтобы отвлечь вниманіе, я объѣзжалъ нѣсколько улицъ. Проѣзжая мимо кабака, изъ котораго выходили посѣти-

тели, я видѣлъ выходящаго хорошо одѣтаго крестьянина и двухъ, трехъ каторжныхъ въ бандалахъ; одинъ каторжный уже на крыльцѣ попросилъ у крестьянина подавня. Я видѣлъ, какъ крестьянинъ вынулъ изъ-за пазухи мѣшечекъ съ деньгами и подаль каторжному монету (оказался пятакъ); какъ только подавшій повернулся, каторжный ударилъ его ножомъ въ спину, крестьянинъ упалъ, а убійца сказалъ: «подлецъ, скрага, не могъ подать болѣе». Я былъ въ пяти шагахъ отъ убійства, далъ шпоры лошади.

Возвратясь домой часовъ въ семь, вспомнилъ, что я званъ на чай къ Нараевскимъ. На дрожжахъ доѣхалъ до широкой улицы, дрожки отпустилъ и пошелъ по лѣвой сторонѣ по тротуару. По правой сторонѣ улицы, по тротуару, по одному направленію со мною, шла какая-то мѣщаночка, нарядная дѣвушка, вѣроятно, въ гости. По правой же сторонѣ по тротуару, на встрѣчу дѣвушкѣ, шелъ унтеръ, рослый молодчина, шелъ щегольской походкой—съ вывертомъ. Встрѣтись съ дѣвушкой, онъ быстро обнялъ ее и поцѣловалъ. Слышалъ какой-то вскрикъ и за этимъ унтеръ положилъ дѣвушку на тротуаръ, повернулъ назадъ и пошелъ такъ же бодро. Перейдя улицу, я подошелъ къ лежащей дѣвушкѣ—она была мертва! Слѣдя за унтеромъ, я видѣлъ, какъ онъ прошелъ на гауптвахту. Я пошелъ къ генераль-губернатору Александру Степановичу Лавинскому и разсказалъ ему что видѣлъ. Лавинскій весьма серьезно обратилъ вниманіе, и сказалъ:

— Тутъ что-то непонятное, вотъ уже нѣсколько случаевъ, что солдаты безъ видимой причины дѣлаютъ убійства! Я уже обратилъ на это вниманіе, а этотъ случай утверждаетъ меня, что есть какая-то непонятная причина, по которой солдаты убиваютъ безъ всякаго повода. Я назначу тебя презусомъ и ты добейся, открой, что тутъ кроется.

— Я всепокорнѣйше просилъ бы ваше высокопр—во уволить меня, не мѣшать съ армейскими офицерами, изъ нихъ я не знаю ни одного; а, если угодно вамъ, дозволить мнѣ нравственно руководствовать слѣдствіемъ безъ формальнаго назначенія.

Лавинскій согласился.

Оказалось: дѣвушка убита большимъ ножомъ въ сердце. Ей было 17—18 лѣтъ, хорошенькая, небѣдныхъ родителей; шла въ гости къ роднымъ.

Я назвалъ день памятнымъ; да, четыре убійства почти на мо-

ихъ глазахъ и пятаго чуть самъ не былъ жертвою—и это въ губернскомъ, главномъ городѣ генераль-губернаторства!

Хотя я и былъ обстрѣлянъ жизнью среди каторжныхъ и былъ 12 лѣтъ презусомъ военнаго суда, но и на меня этотъ рядъ убійствъ одного дня сдѣлалъ впечатлѣніе, особенно послѣ разговора съ Лавинскимъ. Я рѣшился открыть причину непонятныхъ убійствъ солдатами.

На другой день приказалъ привести къ себѣ вольнопропитаннаго слесаря. Какъ увидалъ меня, повалился въ ноги и крестясь сказалъ:

— Такъ ты, отецъ, живъ? слава Богу, а я думалъ, что убилъ тебя!

— За что же ты хотѣлъ убить меня?

— Батюшка, кормилецъ, за что мнѣ убивать тебя? мои дѣти живутъ твоею милостію! я скажу тебѣ правду, а ты суди какъ хочешь.

Вотъ приблизительный его рассказъ: «два дня мнѣ недомогалось, голова какъ не своя, отъ пищи и сна отсталъ. Тоска смертельная, не смотрѣлъ бы на свѣтъ Божій, въ глазахъ все красно; тоска—и мѣста не найду, разумъ отшибло, какъ будто кто шепчетъ: а ты убей когонибудь и будешь здоровъ! Задумалъ я, какъ полумумный, пойти въ лѣсъ, можетъ—кого встрѣчу, а тамъ и не знаю что-бы я сдѣлалъ? Ходилъ я долго по лѣсу, никого не встрѣтилъ, вернулся: вижу, идетъ человекъ, я и спрятался въ кустъ; на умѣ было, какъ пройдетъ мимо, то я нападу на него. Собака ваша почувала меня и начала лаять; вижу, что мнѣ не скрыться, я всталъ и теперь едва помню, что это были вы: у меня въ то время не было ни разума, ни памяти. Сегодня проснулся въ памяти—какъ во снѣ припоминаю, что я хотѣлъ убить васъ, моего благодѣтеля, и думалось ужъ не убилъ ли я васъ?»

Рассказъ надобно признать искреннимъ, мнѣ не первый подобный рассказъ случилось слышать. Въ первомъ очеркѣ изъ моихъ воспоминаній о каторжныхъ, я записалъ рассказъ Медянцева, подобный этому. Я убѣжденъ, что многіе изъ каторжныхъ страдаютъ болѣе или менѣе этою болѣзнію, я опредѣляю ее сильнымъ припадкомъ истерики. Можетъ быть, я ошибаюсь, но, впрочемъ, это и не мое дѣло, а фізіолога.

Отдать подъ судъ этого вольнопропитаннаго: по наказаніи,

онъ поступилъ бы въ рудники, пропали бы его дѣти; я прива-
заль дать ему 300 роговъ и тѣмъ окончилъ.

До приступа къ дѣлу объ убійствѣ дѣвушки унтеръ-офицеромъ
я пересмотрѣлъ нѣсколько военно-судныхъ подобныхъ дѣлъ и не
нашелъ ничего. Одно и то же: «виновать, лукавый попуталь». На-
казанъ вкнutomъ и въ каторжную работу. Я понялъ—форменными
вопросами: какъ зовутъ? сколько лѣтъ? какого вѣроисповѣданія?
и проч. ничего не откроешь. Приказаль унтера привести къ себѣ
въ адмиралтейство. Молодчина, верхковъ 9-ти роста, отлично сло-
женъ и выправленъ, волосы темные, но лицо бѣло, большіе голу-
бые, спокойные глаза, голосъ мягкій—вообще на видъ человѣкъ
добрый. Унтеръ изъ гвардіи, помнится, семеновецъ. Грамотенъ,
холость, подъ 40 лѣтъ.

Отбросивъ манеру начальника, я говорилъ съ нимъ наединѣ
какъ посторонній человѣкъ, да онъ и не видалъ во мнѣ прямого
начальника, я для него былъ морякъ. Послѣ нѣсколькихъ посто-
роннихъ разговоровъ:

- Я видѣлъ какъ ты убилъ дѣвушку.
- Значитъ, это вы изволили идти по другой сторонѣ улицы?
- Я.—За что ты убилъ ее?
- Таѣъ, лукавый попуталь!
- Ты прежде зналъ эту дѣвушку?
- Никакъ нѣтъ-съ.
- И теперъ не знаешь кто она?
- Не знаю-съ, видно ея судьба такая!
- Какъ же убить не зная человѣка, да еще дѣвушку?
- Такъ случилось, ваше высокоблагородіе.
- Я видѣлъ, ты ее не грабилъ.
- Помилуйте, мы къ этому неспособны.
- А убійство хуже грабежа!
- Оно, дѣйствительно—великій грѣхъ! лукавый попуталь!
- Я вижу, ты человѣкъ умный; знаешь отвѣтственность?
- Какъ не знать, отвѣтъ по законамъ!
- Ты будешь лишень чести, наказанъ вкнutomъ и въ ваторгу.
- Что дѣлать, видно такъ опредѣлилъ Богъ!

Бился я съ нимъ часа три, вертѣлъ вопросъ со всѣхъ сто-
ронъ, унтеръ совершенно спокойно отвѣчалъ одно и то же. При-
казаль хорошо накормить его и отпустилъ. На другой день, та же

исторія: разнообразные вопросы унтеру и его спокойные, но осторожные отвѣты. Накормить и отпустить. На третій—день та же исторія: мое терпѣніе и его осторожность. На четвертый день, послѣ долгихъ разговоровъ и изворотливыхъ вопросовъ, унтеръ улыбнулся и спросилъ меня:

— Да что хочется знать вашему высок—дію? я вижу, что вы чего-то допытываетесь.

— Я вижу, что ты убилъ незнакомую дѣвушку безъ всякой причины, но безъ причины ничто не дѣлается на свѣтѣ; вотъ эту причину я и хочу знать, такъ, изъ любопытства.

— Я вамъ и объясняю: такъ, лукавый попуталь. А что убилъ дѣвушку, то потому, что она встрѣтилась; встрѣтись другой кто, то другаго бы убилъ.

— Значить, ты шель рѣшившись сдѣлать убійство?

— Точно такъ-съ.

— Вотъ это-то, твое рѣшительное намѣреніе, ты и объясни мнѣ, оно-то и любопытно для меня.

Унтеръ спокойно засмѣялся и сказалъ:

— Баринъ вы добрый и умный, какъ же вы сами не догадаетесь? Сравните жизнь солдата съ каторжнымъ: каторжный одѣтъ въ полушубкѣ, въ теплыхъ штанахъ, въ теплой шапкѣ, въ большихъ и длинныхъ сапогахъ и рукавицахъ, у него лопата и топоръ. Я стою на караулѣ при работѣ каторжныхъ: на мнѣ шинель вѣтромъ подбита, виверъ, ноги зябнуть, переступаю съ ноги на ногу, въ рукахъ ружье—коченѣютъ руки. Каторжный придетъ въ казарму, ему дадутъ горячіе щи, часто съ мясомъ или съ рыбой, ѣсть кашу; поѣвши—ложится спать на тюфякъ, у него подушка и одѣяло. Я прихожу въ казарму—дадутъ постныхъ щей и хлѣба, да не ложусь спать, долженъ вычистить ружье, тесакъ и пуговицы, а ложусь на голыя нары, подъ голову либо суму, либо кулакъ, да покроюсь тою же шинелью. Ну и сравните, чья жизнь лучше: честнаго солдата или каторжнаго? ¹⁾ На счетъ чести солдатъ и останется вѣкъ солдатомъ. Дадутъ отставку когда уже зубовъ не будетъ, и ходить по-міру, пока таскаютъ ноги ²⁾. Отъ наказанія кнудомъ не умираютъ. Вытерпѣть наказаніе разъ, за то спокойная и довольная жизнь.

¹⁾ Разсказъ относится къ 1832 г., теперь благодать Господня для русскаго солдата.

Поговоривъ еще немного, я былъ очень доволенъ открытіемъ. Унтеру—хорошій обѣдъ со стаканомъ воды, а самъ къ генералъ-губернатору и все рассказалъ ему. Лавинскій тотчасъ повѣрилъ рассказъ унтера; казацкій офицеръ полетѣлъ курьеромъ къ государю съ донесеніемъ. Унтера я болѣе не видалъ.

Лавинскій рассказывалъ мнѣ—пишутъ къ нему, что государь, на одномъ изъ совѣтовъ министровъ, спросилъ Канкринъ: для чего такъ роскошно содержатся каторжные? Канкринъ отвѣчалъ, что улучшено содержаніе каторжныхъ не на деньги государства: для каторжныхъ утверждено урочное положеніе, каторжный, сработавшій болѣе урочнаго положенія, за переработокъ получаетъ копейки, изъ этихъ копѣекъ современемъ составились большія суммы, что и дало возможность улучшить содержаніе каторжныхъ. Военный министръ объяснилъ, что онъ и копейки прибавить не можетъ солдату сверхъ положенія. Тутъ же сдѣлано распоряженіе: уничтожить всѣ удобства каторжныхъ. Этимъ распоряженіемъ и прекратились намѣренныя убійства солдатами.

Я упомянулъ, что собака моя Любимъ спасла жизнь мнѣ. Первый разъ я рассказалъ, еслибъ не Любимъ, то вольнопропитанный не промахнулся бы. Вотъ другой случай.

Выѣзжая изъ Иркутска въ Питеръ, я вызвалъ желающаго ѣхать со мною деньщикомъ. Вызвался молодой матросъ лѣтъ 25-ти; отзывались о немъ какъ о трезвомъ, честномъ и тихомъ. Мѣсяца три онъ жилъ у меня въ комнатахъ и привыкъ. Въ повозкѣ, сдѣланной въ адмиралтействѣ, помѣстились: я, деньщикъ и Любимъ. Деньщикъ былъ уроженецъ Сибири, небольшого роста, но силы необычайно большой, и простаекъ. О дорожныхъ приключеніяхъ—въ другомъ мѣстѣ, развѣ упомяну: когда проѣзжали Казань, первое, что я потребовалъ—яблокъ, которыхъ я не пробовалъ 15 лѣтъ; мнѣ принесли опортъ и баснословную взяли цѣну: за десятокъ чуть ли не 10 рублей. Въ Сибири, картофель называютъ земляныя яблоки; деньщикъ изумлялся, что въ Россіи такія яблоки и сродито прибавлялъ: «сказано не мшонная Сибирь, Сибирь она и есть!» а когда я позвалъ шарманку, то онъ и остался въ мнѣніи, что въ ящикѣ сидитъ человѣчекъ—разувѣрить его было невозможно. Съ отцомъ я не видался 24 года и тотъ, который сѣлъ меня чуть не черезъ день,—Суворовецъ, увидавъ меня, упалъ безъ чувствъ! Цѣловалъ деньщика, цѣловалъ Любима. Отцу пода-

рилъ повозку, она служила ему, какъ парадный экипажъ, до его смерти, безъ починки. Отецъ взялъ съ меня честное слово: ни въ какомъ случаѣ не наказать деньщика. Изъ Камчатки я вывезъ соболей, лисицъ, бобровъ. Въ Петербургѣ явились во мнѣ жида, я продавалъ имъ по розницѣ—выгоднѣе, чѣмъ въ магазины. Однажды, слышу шопотъ за перегородкой, подслушалъ: жидъ сговаривается съ деньщикомъ убить меня. Я быстро явился. Жидъ струсилъ и рассказалъ, что его уговаривалъ деньщикъ, что онъ убьетъ меня и передастъ все жиду, а глупый деньщикъ признался, что жидъ обѣщалъ ему купеческій паспортъ. Жидъ вылетѣлъ вонъ, а я данное слово отцу сдержалъ, не тронулъ деньщика, но отослалъ его въ команду. У меня оставался деревенскій мальчикъ. Прошло нѣсколько дней. Былъ 11-й часъ ночи, я уже былъ въ постели; слышу, на дворѣ страшный лай Любима, лаетъ на приступъ въ нишу подъ лѣстницей; у собаки поднялась шерсть, пѣна у рта и не слушаетъ меня. Я полагалъ, что тамъ кошка. Пошарилъ подъ лѣстницей рукой и поймалъ сапогъ. Выходить мой прежній деньщикъ. Вывелъ я его на дворъ, вышли многіе жильцы. Я замѣтилъ, что у него не сгибается лѣвая рука. Въ рукавѣ оказался — кинжалъ. Деньщикъ струсилъ и признался, что онъ, зная въ квартирѣ моей порядокъ, что мальчикъ ночью выводитъ собаку на дворъ, намѣревался убить меня, а какъ мальчикъ вернется, то и мальчика. Что разумное твореніе намѣревается убить подобное себѣ существо — не стоило бы и упоминанія, но чтобы низшая, безсловесная тварь — собака, имѣющая природное свойство преданности къ человѣку, который ее кормитъ, какъ въ этомъ случаѣ: деньщикъ кормилъ собаку около полугода, спалъ съ нею, но когда этотъ другъ собаки пришелъ съ злымъ намѣреніемъ, собака поступила съ нимъ какъ съ врагомъ! Этотъ непонятный, разумный инстинктъ показался мнѣ достойнымъ замѣчанія. Деньщикъ, по суду, отправился по способу пѣшаго хожденія на свою родину, въ Сибирь, а Любимъ окончилъ земное свое бытіе въ 1847 году, въ Кіевѣ. Удивительной понятливости была собака!

Разсказавъ о собакѣ, спасшей мнѣ два раза жизнь, я упомянулъ объ арабскомъ бѣло-рожденномъ верховомъ моемъ конѣ въ Иркутскѣ. Если я дозволилъ себѣ говорить о собакѣ, то о

благородномъ и гордомъ животномъ—слугѣ чловѣка дозволю себѣ упомянуть хотя нѣсколько словъ.

Въ старомъ флотѣ, молодые офицеры очень любили ѣздить верхомъ. Конь и лодка—крайности, а говорятъ: крайности сходятся. Оставшись въ Иркутскѣ начальникомъ адмиралтейства, я устроился осѣдло, у меня были и лошади и экипажи, но не было верхового коня. 12 лѣтъ ѣздя на собакахъ, я, по свойству моряка—любить верховую ѣзду, очень желалъ устроить себѣ эту потѣху. Совѣты старожилыхъ пріятелей указали мнѣ на сосланнаго кавалерійскаго штабъ-офицера, отличнаго знатока лошадей и искуснаго берейтора. Пригласилъ я къ себѣ этого бывшего господина. Уже весьма пожилой, сѣдой, но еще здоровый и сильный. Хорошо одѣтъ кучеромъ, походка кавалерійская, съ согнутыми колѣнями, голосъ твердый съ акцентомъ серба. Смотря на него, такъ и кажется, что онъ еще командуетъ эскадрономъ. Я объяснилъ ему мое желаніе имѣть верхового коня. Онъ, принявъ позу сознательнаго достоинства, съ выговоромъ южнаго славянина, отвѣчалъ:

— Это наше ребячье дѣло! но готовой верховой лошади здѣсь нѣтъ.

— Какъ же ты посовѣтуешь мнѣ устроить?

— Это дѣло нашихъ рукъ. Есть кровный конь, не верховой, но рожденъ для сѣдла; я могу указать вашему высоко-дію, а ваше дѣло купить.

— Хорошо, я куплю, только уважи.

— Есть конь на почтѣ, онъ недавно ходитъ на пристяжеѣ, бѣлый конь; на почтѣ не знаютъ ему цѣны, а конь тысячный!

— Спасибо, я завтра куплю лошадь, но она не выѣзжена подъ верхъ?

— Выѣздить—нашихъ рукъ дѣло. Выѣздимъ въ станѣ какъ нѣмцы, или для фронта на всѣ аллюры.

— Гдѣ же найти тебя?

— Я живу близъ женскаго монастыря, но, если прикажете, я завтра навѣдаюсь.

Стаканъ водки—простились. Почту содержала дума, я къ головѣ. Безъ слова дано согласіе и заплатитъ по цѣнѣ въ книгѣ, за что куплена. На другой день, ссыльный кавалеристъ выбралъ лошадь, я заплатилъ 60 рублей. Старикъ въ восторгѣ отъ коня,

цѣнили его въ нѣсколько тысячъ! Я просилъ его выѣздить коня для прогулки по городу, чтобы былъ смиренъ и не пугался. Старикъ не упустилъ сказать насмѣшку надъ неопытною моряка, но весьма прилично. Въ старикѣ сквозилъ общественный бытъ лихаго кутилы. Старикъ хотѣлъ дрессировать коня въ станѣ, но какъ это долго, а я хотѣлъ скорѣй, то на полѣ была устроена борда. Въ мѣсяцъ переродился конь, на кормѣ поправился, а въ выѣздѣ выправился. Просто—красавецъ! По командѣ, старикъ исполнялъ всѣ аллюры, но находилъ нужнымъ поѣздить по шумнымъ улицамъ, чтобы не пугался конь. Недѣли двѣ, мой берейторъ бралъ коня передъ свѣтомъ и возвращался послѣ полудня.

Разъ, у губернатора, Ивана Богдановича Цейдлера, я былъ свидѣтелемъ доклада исправника. Тогда, около Иркутска, въ горахъ, было двѣ шайки разбойниковъ; исправникъ докладывалъ, что какая-то каналья изъ города ѣздитъ на бѣлой лошади, то въ одной, то въ другой шайкѣ, и поймать не могутъ. На меня подѣйствовалъ докладъ о бѣлой лошади: подумалъ, уже не мойли берейторъ отличается. На другой же день прослѣдили за нимъ и оказалось—дѣйствительно возвращался изъ сѣверныхъ горъ маршъ-маршъ; какъ опытный, проводилъ коня, вытиралъ соломою и приѣзжалъ домой на сухомъ конѣ . . . . .
. . . . . Послѣ я узналъ, что этотъ отличный берейторъ, живя въ Иркутскѣ, какъ главнокомандующій надъ шайками, получалъ донесенія, отдавалъ приказанія, направлялъ ихъ набѣги, увѣдомлялъ о намѣреніяхъ полиціи, и проч. Конь дѣйствительно былъ превосходный, выѣзженъ прекрасно, пылокое, но доброе и послушное животное. Въ Иркутскѣ всѣ знали моего коня. Я подарилъ его принявшему мою должность Николаю Вуколовичу Головину.

Узналъ я исторію коня. На киргизской линіи, въ крѣпостцу Бухтарму (звали: Бухтарма—новая тюрьма), приѣзжали бухарцы съ товарами и урокомъ. Запоздали возвратиться; у нихъ былъ жеребенокъ, то, чтобы не затруднилъ въ обратномъ пути, продали казаку за бездѣлицу. Казакъ, приѣхавъ въ Иркутскъ съ товаромъ, продалъ всѣхъ своихъ лошадей на почту за большую цѣну и этого коня—за 60 рублей, а такая цѣна считалась огромною, сравнительно съ цѣнами на линіи. У Лавинскаго были двѣ каретныя четверни, куплены въ Енисейской губерніи, въ Минусѣ, изъ табуновъ купца (кажется, Мясникова), на выборъ, по

25-ти рублей лошадь; это обыкновенная цѣна. Лавинскій вывелъ лошадей въ Петербургъ.

Разговорился я о ссыльныхъ въ Иркутскѣ. Объ этихъ выкидышахъ русскаго общества—разказовъ безъ конца. Эти энергическія натуры съ ложнымъ направленіемъ и тамъ рѣдко совладаютъ съ своими обычаями, они и тамъ ведутъ тревожную жизнь съ привлеченіями. Я записалъ «памятный день въ Иркутскѣ». Назвавъ памятнымъ днемъ, тѣмъ самымъ объяснилъ, что не всѣ дни похожи на этотъ день. Передамъ еще разказъ, но не свой, а Ивана Яковлевича Козлова. Прошу обратиться въ «Русскую Старину» къ первому очерку изъ моихъ воспоминаній «о ссыльно-каторжныхъ въ Охотскомъ солеваренномъ заводѣ» (изд. 1878 г., томъ XXII): тамъ я кратко очертилъ горнаго чиновника И. Я. Козлова. Теперь повторю, что это человѣкъ былъ вполне образованный, благородный, честный, добрый, прекрасный другъ, умный, пріятный собесѣдникъ, правдивъ, преувеличеній для краснаго слова въ немъ не замѣтилъ. Говорятъ, совершеннаго человѣка нѣтъ, то и Козловъ имѣлъ недостатки: онъ не былъ храбръ, по-просту—былъ трусоватъ. Въ Охоткѣ, мы были очень дружны. Вотъ одинъ изъ его разказовъ: «Въ 1820-хъ годахъ, въ Иркутской губерніи былъ извѣстный и прославившійся атаманъ разбойниковъ по фамилиі Александровъ. Онъ былъ изъ ярославскихъ мѣщанъ, молодъ, смѣлъ, большого роста, красавецъ изъ красавцевъ; я такого красиваго мужчины не видывалъ; не было деревни, чтобы онъ не имѣлъ преданныхъ любовницъ. Силы былъ необыкновенной, бѣгалъ такъ скоро, что веревка въ пять сажень, привязанная къ затылку, при бѣгѣ Александрова — держалась горизонтально. Стрѣлялъ на бѣгу безъ промаха. Одинъ разъ, онъ спалъ на полѣ, а любовница, съ лошадью, караулила. Крестьяне сосѣдней деревни хотѣли схватить его; показались мужики, любовница разбудила Александрова, онъ крикнулъ крестьянамъ, чтобы шли прочь. Одинъ мужикъ, ставъ на колѣни и съ сошекъ, цѣлился въ Александрова изъ винтовки. Александровъ закричалъ: «Никитка, не дури!» и, выстрѣливъ, попалъ Никиткѣ въ лобъ, взялъ отъ любовницы заряженное ружье, а она заряжала другое. У крестьянъ опустились руки; Александровъ, посадивъ любовницу на лошадь, самъ тихо пошелъ. Но это было вначалѣ, послѣ его не ловили. Данному слову Алексан-

дровъ никогда не измѣнялъ. Одинъ разъ, убѣжавъ изъ острога, отъ гнавшейся за нимъ полиціи, онъ, противъ Иркутска, въ кандалахъ переплылъ Ангару, которая, кромѣ большой ширины, имѣетъ теченія 10 верстъ въ часъ. Вотъ такая исключительная была личность атамана Александрова. Шайка его никогда не превышала 7 или 8-ми человѣкъ, но были и постоянные: есаулъ, лейтенантъ и подручный. Это были люди испытанные имъ. Зимой, онъ звлялся къ исправнику и зимовалъ въ острогѣ; съ наступленіемъ весны, онъ уходилъ изъ острога, какъ птица вылетаетъ изъ гнѣзда. Лишь закукуетъ кукушка, каторжные и поселенцы приходятъ въ тревожное состояніе и бѣгутъ въ вольную тайгу. Я служилъ на солеваренномъ заводѣ, въ 60-ти верстахъ отъ Иркутска. Разъ даютъ мнѣ знать, что близъ завода шатается Александровъ и изъ завода уже ходили въ нему на свиданіе. Я нарядилъ школьниковъ».

— Что такое школьники?

— «Это дѣти каторжныхъ, они состоятъ при заводѣ; они честныя дѣти преступныхъ отцовъ».

«Александровъ на этотъ разъ оплошалъ; онъ былъ одинъ, безъ оружія, была уже поздняя осень. Александрова привели ко мнѣ. Я зналъ, что этого молодца не удержимъ; я придумалъ для него скрипку. Складывались и скрѣплялись двѣ широкихъ доски съ выемками для шеи и по концамъ для рукъ. Александровъ требовалъ, чтобы я передалъ его земскому суду; я написалъ бумагу, да такъ и продержалъ атамана четверо сутокъ. Александровъ на другія сутки уже стоналъ: нельзя лечь, руки затекли; молилъ, просилъ, проклиналъ и, наконецъ, повлялся, что онъ убьетъ меня. Зиму просидѣлъ Александровъ въ острогѣ, я имѣлъ свой караулъ за нимъ. Весной доносятъ мнѣ, что къ острогу подходятъ любовницы Александрова, значить, онъ скоро бѣжить. Я помнилъ его клятву, а извѣстно, что Александровъ крѣпко держитъ свое слово! Рѣшился я явиться генераль-губернатору и, рассказавъ ему подробно, доложилъ, что, по всѣмъ признакамъ, Александровъ скоро бѣжить и я буду убитъ. Лавинскій немедля потребовалъ изъ земскаго суда дѣло объ Александровѣ. Привезли слѣдствіе на двухъ возахъ и—еще не кончено!»

— Я не понимаю, какъ это могло быть?

— «Очень просто: Александровъ былъ отличная доходная статья исправника».

— Объясните мнѣ, я этихъ дѣлъ не знаю.

«Александровъ на допросѣ показываеъ, что въ такой-то деревнѣ, у богатаго мужика, ночевалъ двѣ ночи. Исправникъ летитъ съ казаками къ мужику. Можетъ, атаманъ показалъ неправду, но для исправника все равно: мужикъ оплачивается. Такъ тянутся показанія до весны, слѣдствіе не кончено, а Александровъ бѣжалъ. Зимой продолжается старое и начинается новое».

— Что же, Лавинскій читалъ дѣло?

«Онъ исправнику и суду сказалъ много непечатныхъ словъ и на послѣдней страницѣ написалъ своею рукою: «Александрова, есаула, лейтенанта и подручнаго битъ нещадно вкutomъ». Это рѣшеніе хранилось въ строгомъ секретѣ: узнай Александровъ, ничто не удержало бы его въ острогѣ; только утромъ сказано палачу Буянову, что онъ долженъ засѣчь четверыхъ. Утромъ, вели Александрова и трехъ товарищей будто къ допросу въ земскій судъ, съ усиленнымъ конвоемъ. Придя на мясной рынокъ, гдѣ постоянное присутствіе Буянова, конвою скомандовали: стой! Преступникамъ объявлено рѣшеніе генераль-губернатора. Александровъ сказалъ: «не законно, еще слѣдствіе не кончено». Шестъ прислужниковъ Буянова, тоже каторжные, привязали Александрова къ кобылѣ ремнями по правилу своей профессіи. Буяновъ, имѣя особенное приказаніе, сильно ударилъ вкutomъ. Александровъ повернулся такъ, что лопнули всѣ ремни и сокрушилась кобыла! обернувшись, крикнулъ: «Варнакъ! да ты съума сошелъ!» махнулъ ручными кандалами, задѣлъ за лѣвое плечо Буянова и разорвалъ у него плюсовую куртку, а самъ бросился бѣжать; уже бѣжалъ по базарной площади къ Ангарѣ, бѣжалъ въ ножныхъ кандалахъ, а солдаты не могли догнать его; бѣжалъ и на обѣ стороны махалъ ручными кандалами, народъ разступался. Не замѣтилъ атаманъ колышка, къ которому привязываютъ приѣзжіе крестьяне лошадей; за колышекъ зацѣпилъ ножными кандалами и упалъ, солдаты набѣжали и прикладами пришибли его. Привязали вновь къ кобылѣ, атаманъ молчалъ; послѣ четвертаго удара, Буяновъ за волосы поднялъ голову и сказалъ: «уберите!» Александровъ былъ мертвъ. Второй, есауль, изъ персіянъ, сказалъ Буянову: «ну-ка, посмотрю, мастеръ ли ты своего дѣла?» Буяновъ спокойно сказалъ: «а вотъ увидишь!» и послѣ четвертаго удара поднялъ голову за волосы и привязалъ убрать. Съ четырехъ ударовъ, каждый былъ мертвъ!

«Послѣ этого, послѣдовало высочайшее повелѣніе: въ приговорахъ, слово нещадно не употреблять».

— Вы, Иванъ Яковлевичъ, были при наказаніи?

— «Конечно, былъ, вѣдь моя жизнь зависѣла отъ смерти и жизни Александра. Казнили атамана съ товарищами, я тогда спокойно вздохнулъ и поѣхалъ домой».

Такъ кончилъ рассказъ Иванъ Яковлевичъ Козловъ. А я прибавлю, что, еще въ 1830 году, я много слышалъ рассказовъ въ Иркутскѣ о необыкновенныхъ и, пожалуй, невѣроятныхъ походахъ атамана Александра.

Часто случалось мнѣ проѣзжать чрезъ площадь присутствія Буянова, всегда находилъ его приговляющимся къ своей работѣ. Буяновъ лѣтъ подѣ 40, очень высокаго роста, очень стройный, сухощавый брюнетъ съ добрымъ лицомъ, всегда эффектно одѣтъ.

— Здравствуй, Буяновъ!

Вѣжливо кланяется и, улыбаясь:

— Здравія желаю вашему высокоблагородію!

— Что, видно есть работишка?

— Да, вотъ настраиваю свои инструменты.

А сколько я помню, почти не было утра, чтобы Буяновъ не разыгрывалъ концерта на своихъ инструментахъ!

Не знаю какъ теперь, а въ мое время, для сосланныхъ на поселеніе, около почтовой дороги, были выстроены длинныя линіи домиковъ со всѣми удобствами для крестьянскаго быта. Каждый домъ раздѣлялся сѣнями на двѣ половины; я заходилъ въ эти, по виду, щеголеватые дома: въ каждой половинѣ по двѣ комнаты, русская печь, лавки, два простыхъ стула, столъ въ переднемъ углу, палаты, свѣтлыя окна—удобно, хорошо, а пожалуй, и роскошно для крестьянина. Дворъ обнесенъ заборомъ, на дворѣ всѣ необходимыя службы, и амбарчикъ, и конюшня съ коровникомъ. Поселенцу давалось продовольствіе и хлѣбныя сѣмена для посѣва. Давалась лошадь, корова, а земли—сколько угодно, душа мѣра! По теоріи, счастливая жизнь! да и требовалось только смирно жить! На практикѣ, поселенецъ, одинъ или съ женою, зиму живетъ смирно. Закуковала кукушка, поселенецъ изъ хлѣбныхъ сѣмянъ напекъ сухарей, корову съѣлъ, посадилъ жену на лошадь и отправляется въ вольную тайгу. Гнѣздо пусто, птица вылетѣла. Куда ушелъ поселенецъ, или, какъ тамъ зовутъ—посельщикъ? Едвали онъ и самъ знаетъ—такъ, гулять! Неу-

добсто, нужда, голодь, опасность отъ звѣрей—все человекѣ переноситъ! онъ безсиленъ бороться съ страстнымъ влеченіемъ къ свободѣ! Болѣзнь, смерть, гибель отъ звѣря—и никто не вспомнить о ссыльномъ поселенцѣ. Являются новые отверженцы русскаго общества, ихъ поселяютъ въ опустѣлыхъ домахъ. Пришла весна, закуковала кукушка—опять пустѣютъ большею частію дома! Уцѣлѣеть бѣглый—пришла зима, бѣглый является къ тому начальству, гдѣ онъ еще не былъ, и въ тотъ острогъ, въ которомъ еще не сидѣлъ, переимѣняетъ имя, ложно называетъ мѣста, откуда бѣжалъ—справки безплодны—наважутъ плетями, поселяютъ вновь. Дряхлость, смерть прекращаютъ свободныя прогулки поселенца.

Въ 1833 году, выѣзжая изъ Иркутска въ Петербургъ по первому зимнему пути, на дорогѣ къ Нижнеудинску, днемъ, встрѣчая партію людей, человекѣ 30, идущихъ пѣшкомъ. Догадавшись, что это бѣгле и не желая быть остановленнымъ противъ воли, я привазаля ямщику остановиться. Подошли и обрружили повозку—безоружные.

— Здравствуйте, ребята.

— Здравствуй, батюшка, нѣтъ ли у тебя табачку? подѣлись съ нами.

У меня было два вартуза Жукова, я отдалъ имъ и, по добротѣ (можетъ—невольной), высыпалъ и изъ кисета.

— Спасибо тебѣ! ребята, смотри: настоящій жуковскій! дай Богъ тебѣ здоровья, вотъ ужъ уважилъ!

Ближайшій, которому я высыпалъ изъ кисета, двѣ горсти возвратилъ въ кисеть, говоря:

— Нельзя же и тебѣ безъ табаку, хотя до города.

— Куда путь держите, ребята?

— Поѣзжай съ Богомъ, мы тебя не спрашиваемъ, куда ты ѣдешь, и тебѣ нѣтъ дѣла до насъ. Прощай, батюшка, поѣзжай своею дорогою.

Разумѣется, я не медлилъ. Ямщикъ подтвердилъ, что это бѣгле поселщики. Не нужно было и спрашивать ихъ, они шли пріютиться на зиму по острогамъ. Встрѣча и бесѣда продолжались немного минутъ, но я замѣтилъ, что между ними были субъекты не изъ крестьянскаго быта, особенно двое ближайшихъ ко мнѣ. Старика не было ни одного.

Случилось мнѣ разговаривать съ бѣгавшими въ Россію и возвратившимися по суду. Бѣгалъ въ Полтавскую губернію.

— Что заставило тебя идти такую даль?

— Больно тоска взяла, хотѣлъ взглянуть на родную сторону и повидаться съ родными.

— Какъ же ты зналъ дорогу, куда тебѣ идти?

— Дорогу можно знать: лишь бы увидать церковь, то и знаешь.

— Какъ же это?

— Да вотъ какъ: когда идешь въ Сибирь—все входишь въ церковь, а когда идешь изъ Сибири—все выходишь изъ церкви¹⁾.

Вотъ вамъ и компасъ для бѣлаго изъ Сибири.

— А что же ты ѣлъ дорогой?

— Для насъ, по деревнямъ, на ночь, у воротъ на полочку, кладутъ хлѣба, молока, иногда рыбы, шаньгу—сыту можно быть, да тутъ же у воротъ на лавочкѣ и соснешь.

Дѣйствительно, это справедливо: я замѣтилъ въ Вятской губернии, по деревнямъ, почти у каждаго дома, снаружи воротъ, на полочкахъ хлѣбъ и горшечекъ молока; на вопросъ мой:

— Для чего это?

— Это для несчастныхъ.

Въ Сибири и по дорогѣ, ссыльныхъ зовутъ несчастными, а варнакъ—это брань; говорятъ, происходитъ отъ воръ и нагъ.

— А въ избу не заходятъ?

— Для того и владемъ, чтобы не заходили, а то отвѣтъ большой.

Сложится какъ-то въ особую форму жизнь человѣка и тянется жизнь до тайги или до острога и обратно.

Припомнился мнѣ случай въ кievской тюрьмѣ. Въ одной изъ камеръ, у печки, старикъ, лѣтъ за 70, рассказывалъ товарищамъ, что онъ всю жизнь ходитъ изъ тюрьмы въ тюрьму, мало и осталось тюремъ, въ которыхъ бы онъ не былъ, и закончилъ рассказъ горькою жалобой на судьбу. «Ужъ не подь силу, молю Бога, чтобы прибралъ», и очень тосковалъ, что не приходитъ смерть. На другой день старикъ оказался убитымъ, съ разбитой головой. На вопросъ: кто убилъ? вышелъ одинъ изъ товарищей и сказалъ, что убилъ старика—онъ.

— За что?

— Да вчера больно жалостливо старичокъ свучалъ и такъ жалостно говорилъ, зачѣмъ Богъ не посылаетъ смерти, что меня ажно слеза прошибла. Какъ уснули всѣ, я взялъ съ печки кир-

¹⁾ Алтарь церкви—на востокъ.

пичь, завернул его въ рукавъ рубахи, да и убилъ старика—изъ жалости: думаю—пусть успокоится!

Можно бы рассказать о жизни ваторжннхъ въ рудникахъ; эти люди другой жизни и другаго характера, но—до другаго раза.

VIII.

При чтеніи въ «Русской Старинѣ» изд. 1878 г., томъ XXIII, Записокъ Ивана Степановича Жиркевича, главы XXIV-й (стр. 33—54), съ каждой строчкой оживали мои воспоминанія почти за 45 лѣтъ назадъ. И. С. Жиркевичъ выводитъ меня на сцену и я, вмѣсто подписи буквъ Э . . . . . въ, являюсь Эразмъ Ивановичъ Стоговъ. Написалъ и я свои воспоминанія о службѣ моей въ Симбирскѣ, писалъ только то, что рѣзво запечатлѣлось въ памяти. Читая нынѣ Записки И. С. Жиркевича, я вижу, что многое пропустилъ, что казалось мнѣ неважнымъ, напримѣръ, слушаніе одной татарской деревни сенатскому увазу. Этотъ случай казался мнѣ столь неважнымъ, что я и не упомянулъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ. И. С. Жиркевичъ смотрѣлъ на это слушаніе серьезно, но не рассказалъ причинъ этого слушанія татаръ; можетъ быть, онъ и не зналъ подробностей. Я расскажу, что знаю.

Татарская деревня была очень большая, а земли имѣла еще больше. Далеко отъ деревни, на краю дачи, между холмами протекаетъ ручеекъ. Помѣщикъ Коптевъ (кажется, не ошибаюсь), по знакомству съ старшинами татаръ, получилъ согласіе общества: дозволить на ручѣ поставить мельницу; это было сдѣлано на бумагѣ, а словесно—Коптевъ обѣщалъ дешево молотъ рожь татарамъ. При мельницѣ нуженъ домъ для мельника, понадобились домики для рабочихъ. Такъ мирно тянулось болѣе десяти лѣтъ. Говорили, при мельницѣ людей было немного, но, по свидѣтельству полиціи и сосѣднихъ крестьянъ, оказалось, что крестьянъ, живущихъ 10 лѣтъ въ урочищѣ, много. Безъ вѣдома татаръ, послѣдовалъ указъ правительствующаго сената: крестьяне Коптева, живущіе осѣдло болѣе десяти лѣтъ, надѣляются по десяти десятинъ на душу, и приложенъ планъ нарѣзки. Указъ былъ полученъ и объявленъ татарамъ осенью. Исправникъ выѣхалъ съ

землемѣромъ и повѣреннымъ Коптева. Татары, не понимая законнаго права, прогнали всѣхъ. Исправникъ явился съ понатыми и инвалидами — татары прогнали. Это было еще при губернаторѣ Z.....; наступила зима, дѣло было оставлено до лѣта. Назначенъ губернаторомъ И. С. Жиркевичъ; наступило лѣто, исправника съ указомъ къ татарамъ — прогнали. И. С. Жиркевича очень встревожило это обстоятельство. Войска нѣтъ — самый несчастный баталіонъ изъ 300 калѣвъ; татаръ озлобленныхъ — до четырехъ тысячъ. Губернаторъ хотѣлъ подѣйствовать на татаръ коммисією изъ важныхъ лицъ. Пригласилъ жандармскаго полковника Ф...., управляющаго удѣльной конторой статскаго совѣтника Бестужева, меня и совѣтника губернскаго правленія — сначала для совѣщанія, а потомъ внушить силу указа татарамъ на мѣстѣ. Ф.... и Бестужевъ съ вечера общали быть, а ночью уѣхали. И. С. Жиркевичъ обратился ко мнѣ: какое мое мнѣніе? Я отвѣчалъ, что о дѣлѣ этомъ слышалъ, но подробностей не знаю, донесеніямъ полиціи не всегда довѣряю, а потому, полагаю, нужно прежде узнать подробно на мѣстѣ повѣрнѣе; для этого я сѣзжу одинъ, а узнавъ и сообразивъ — доложу о средствахъ, какія должно предпринять. И. С. Жиркевичъ благодарилъ меня и согласился.

Передъ вечеромъ, я пріѣхалъ съ своимъ жандармомъ-татариномъ. Тогда я еще не былъ такъ знакомъ съ татарами, какъ послѣ, но имѣлъ понятіе о нравственномъ строѣ татарскихъ обществъ. Ласково, какъ гость, обошедшись съ богатыми и выпивъ съ ними полдюжины стакановъ чаю, я постоянно направлялъ разговоръ на указъ Сената. Набралась полная изба татаръ и когда они попросили меня прочитать и растолковать имъ указъ, то я всталъ и приказалъ всѣмъ встать, потому что указъ — по волѣ Государа Императора! и прошу слушать молча, а толковать будемъ послѣ. Прочиталъ внятно, послѣ растолковалъ на какомъ законѣ указъ. Татары поняли, что вся бѣда отъ дозволенія Коптеву построить мельницу безъ всякаго условія и не означая срока. Изъ разговоровъ я подмѣтилъ, что они недовольны дѣйствіями исправника. Я объяснилъ, что когда я возьмусь за дѣло, то исправнику не зачѣмъ тутъ быть. Разумѣется, я не покушусь на ужасныя бѣды отъ ихъ послушанія. Главное — я беру ихъ подъ свое покровительство: хотя губернаторъ и очень гнѣвенъ, но если они послушаютъ меня, то я даю свое ручательство, что его превосходитель-

ство помилуетъ ихъ. Хотя я зналъ И. С. Жиркевича какъ неумолимаго служаку, человѣка сдержаннаго, сухаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣка, честнѣйшаго, преданнаго пользамъ службы, и, зная какъ тревожило его это дѣло, надѣялся убѣдить простить татаръ, виновныхъ по неразумію. Утромъ собрались все татары, требовали, чтобы я прочиталъ всему народу указъ. Ставъ въ средину толпы и зная, какъ на простой народъ дѣйствуютъ наружные аксессуары,—вынувъ указъ, снялъ шляпу и приказалъ всѣмъ снять шапки, стоять смирно и слушать молча. Прочиталъ; знающіе по русски переводили толпѣ, разговоры татаръ длились полчаса. Толпа просила прочитать другой разъ. Прочиталъ. Заговорили, что надо согласиться (мой жандармъ сообщилъ мнѣ, условленною мимикою), но поставили условіе: исправника не надо. Пусть губернаторъ проститъ, потому что виноватъ исправникъ, а не татары: онъ не хотѣлъ растолковать. Чтобы землемѣръ мѣрялъ подъ моимъ надзоромъ. Если такъ, то они согласны. Я принялъ условія.

Исправникъ, землемѣръ, повѣренный Коптева и понятые были въ сосѣдней русской деревнѣ. Я потребовалъ всѣхъ, кромѣ исправника. Я самъ ходилъ за астролябіей и повѣрялъ углы, шель за цѣпью. Повѣренный вздумалъ заспорить, я такъ на него прикрикнулъ, что онъ немедля замолчалъ. Это понравилось татарамъ, только и слышу: «Такъ, бачка, такъ, это разбойники!» Я сознавалъ, что дѣло слишкомъ обидное для татаръ, но когда увидалъ, что цѣпь пошла подъ самые заборы огородовъ татаръ, и увидалъ слезы—признаюсь, надобно имѣть запасъ хладнокровія, чтобы не выйти изъ роли важнаго начальника. Въ одинъ день отмежевана дача по указу. Уговорилъ татаръ выбрать депутатовъ къ губернатору, которые, принеся покорность, привезутъ прощеніе для всѣхъ татаръ. Выбрали трехъ самыхъ богатыхъ. Предварительно объяснивъ вратко И. С. Жиркевичу, я просилъ о прощеніи. Кажется, въ этотъ только разъ и видѣлъ его смѣющимся. Татары прощены.

Послѣ, я познакомился съ Коптевымъ. Баринъ не молодой, со смысломъ . . . . . Коптевъ, при первомъ свиданіи, показывалъ мнѣ законныя дарственныя предку его отъ которой-то государыни на весь правый берегъ Волги отъ Симбирска до Саратова, шириною, кажется, шесть верстъ. Коптевъ хотѣлъ начать дѣло!

Вотъ еще случай, о которомъ я вспомнилъ, читая «Русскую Старину» (томъ XXIII, стр. 48—50).

Проѣзжалъ черезъ Симбирскъ графъ Стрoгaнoвъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ. Я явился къ нему. Графъ—огромнаго роста, длинное лицо съ сухимъ и строгимъ выраженіемъ, голосъ твердый. Встрѣтилъ меня сухо, не посадилъ. Помню нашъ разговоръ:

— «Вы давно здѣсь?»

— Другой годъ.

— «Такъ вы не знаете хорошо губерніи?»

— Знаю, что касается до моей службы.

— «Какъ понимаете вы свою обязанность?»

— Я блюститель нравственнаго порядка въ губерніи.

— «Какая ваша власть?»

— Губернаторъ, а не исполнить—шефъ жандармовъ.

— «Ссоритесь съ губернаторомъ?»

— Я никогда и ни съ кѣмъ не ссорюсь, в. с-во.

— «А съ бывшимъ губернаторомъ Z?»

— Я помогалъ ему сколько умѣлъ.

— «Пути сообщенія, торговлю въ губерніи знаете?»

— Пути сообщенія знаю, а о торговлѣ почти не имѣю понятія.

— «Мнѣ нужны подробныя, толковыя свѣдѣнія о торговлѣ; къ кому я могу обратиться?»

Я подумалъ: рекомендовать помѣщика, обидятся другіе—почему не ихъ.

— Лучшихъ свѣдѣній в. с-во получить не можете, какъ отъ откупщика NN.

— «А помѣщики?»

— Каждый знаетъ продажу своего хлѣба, а NN знаетъ общій ходъ торговли и въ сосѣднихъ губерніяхъ.

— «Вы хорошо знакомы съ откупщикомъ?»

— Довольно коротко знакомъ, бываю у него.

— «Что за человекъ этотъ откупщикъ?»

— Человекъ очень умный и всѣми любимъ.

— «Вы знаете, что онъ даетъ деньги чиновникамъ?»

— Знаю.

— «Знаете сколько и кому даетъ?»

— NN, прошлаго года, роздалъ въ губерніи двѣсти семьдесятъ тысячъ рублей.

— «Какъ вы это знаете?»

— Онъ показывалъ мнѣ списокъ—кому и сколько.

— «По какому случаю?»

— Онъ предлагалъ мнѣ десять тысячъ въ годъ.

— «За что?»

— Просто ни за что, тѣмъ болѣе, что еслибъ я и хотѣлъ вредить ему, то не могъ бы.

— «Отчего такъ?»

— Этого я не могу сказать в. с-ву.

— «За что же онъ предлагалъ?»

— NN говорилъ, что я скромно живу, бѣденъ, то эти деньги въ нѣсколько лѣтъ могутъ составить мнѣ капиталъ, и при этомъ показавъ списокъ раздаваемыхъ денегъ; сказала: «досадно, всѣ возвращаются чрезъ кабаки. Мнѣ назначена сумма, то кому хочу отдамъ».

— «Ну, чтожъ, вы взяли?»

— Нѣтъ, ваше с-во, не взялъ.

— «Отчего же?»

— Не пробовалъ еще брать чужихъ денегъ.

— «А Жиркевичъ сколько беретъ?»

— Жиркевичъ не возьметъ и отъ архіерея.

— «Такъ вы желаете доставить мнѣ честь познакомиться съ откупщикомъ?»

— Какъ угодно вашему с-ву.

— «Хорошо, я завтра увижусь съ вами и скажу вамъ».

Разговоръ продолжался о помѣщикахъ, о духѣ въ губерніи къ правительству. Спросилъ о Бестужевѣ и Флиге (они уѣхали въ ночь приѣзда графа). Я распинался за преданность дворянъ къ государю и правительству, а о Бестужевѣ и Флиге отдѣлялся общими мѣстами.

Черезъ день позвалъ меня графъ. «Я хочу исполнить ваше желаніе; предоставляю вамъ, передъ вечеромъ, познакомиться меня съ откупщикомъ».

— Желаю, ваше с-во, чтобы вы остались довольны моею рекомендаціею.

Нынѣ изъ Записокъ И. С. Жиркевича узналъ, что графъ говорилъ съ нимъ о NN и что Иванъ Степановичъ поддерживалъ мою рекомендацію.

Передъ вечеромъ, я привелъ NN къ графу и представилъ его. Меня удивилъ пріемъ графа: онъ всталъ и вѣжливо поклонился, посадилъ NN. Я отъеланялся. Послѣ NN говорилъ мнѣ:

— «Сначала мнѣ было неловко, но какъ попалъ на торную дорогу, то и сонъ пропалъ, проговорили всю ночь».

Когда я провожалъ графа, онъ сказалъ мнѣ: «вашъ протееже оправдалъ себя».

Я расскажу, что знаю о NN отъ него самого. Это сухой грекъ, копченный, какъ всѣ греки. Средняго роста, большой ротъ, вѣчная улыбка, и въ поясницѣ шалнеръ: такъ кланяться очень трудно. Грекъ предобрый, но обидчивый и не простить. Умный, дальновидный и хитрый. Его звали NN, а жену NN — красавица. Вотъ что рассказывалъ NN: «сынъ бѣдныхъ родителей, я былъ записанъ въ кавалерійскій полкъ, въ полку ни разу не былъ, вышелъ въ отставку поручикомъ. Въ Таганрогѣ имѣлъ кусокъ земли, табачную лавочку, и перебивался. Въ Таганрогъ пріѣхалъ государь Александръ I-й. Вызываютъ на поставку ко двору разныхъ продовольственныхъ припасовъ. Таганрогскіе греки-богачи струсилъ незнакомаго дѣла. Я рѣшился и взялъ подрядъ; родные богачи, видя, что я потерять не могу, сдѣлали мнѣ кредитъ. Прошелъ мѣсяць, со страхомъ являюсь къ метръ-дотелю (кажется—Бенуа). Сидитъ въ большомъ креслѣ, богатый халатъ, читаетъ книжку. Я стою смирно у дверей. Взглянулъ строго: «что?» Я—глубокой поклонъ . . . . . и подаю ему счетъ мѣсячнаго расхода. По правдѣ, я составилъ счетъ такой, что если я убавить, то будетъ не обидно; въ итогѣ стояло 18 тысячъ рублей. Метръ-дотель посмотрѣлъ на итогъ и сердито бросилъ на полъ: «Какъ смѣть подавать такіе счеты? Что скажутъ обо мнѣ? Какъ могъ я продовольствовать русскаго императора цѣлый мѣсяць за 18 тысячъ! возьми и исправь». Нечего дѣлать, взялъ счетъ, а на другой день подаль итогъ 84 тысячи ассигн. съ копейками. Метръ-дотель посмотрѣлъ и сказалъ: «Ну, это на что нибудь похоже», подписалъ. Я держалъ пачку въ 10 тысячъ, онъ взглянулъ и сказалъ: «положи!» У меня собрался такой капиталъ, что въ Таганрогѣ мнѣ было тѣсно. Тогда гремѣли откупа, я этого дѣла совсѣмъ не понималъ. Тогда въ откупахъ былъ главный воротило Кузинъ. Я къ нему въ Харьковъ, прикинулся бѣднякомъ. Меня приняли въ контору писцомъ. Угождалъ управляющему, онъ замѣтилъ мое прилежаніе

и сметку. Въ двухъ уѣздахъ, повѣренный запуталъ счеты и купилъ. Кузинъ велѣлъ командировать надежнаго; управляющій выбралъ меня и ручался. Я привелъ въ порядокъ счеты, и утверждень. Такъ я изучилъ механизмъ и администрацію откупа. Наступили новые откупа, я къ Кузину—прошу принять меня въ долю. «Да что-же у тебя есть?» Я объявляю капиталъ. «Да ты поступилъ въ канцелярію?»—Я пріѣхалъ къ вамъ учиться и теперь выучился. «Ну, братъ, изъ тебя будетъ толкъ!» Вотъ я и управляю почти безъ отчета.

Приходитъ ко мнѣ NN вечеромъ: «Не нужно ли вамъ что нибудь къ Л. В. Дубельту? я завтра рано ѣду въ Питеръ».

— Что такъ вдругъ? вы на-дняхъ ничего не говорили.

— «Откупъ плохо идетъ».

— Чтò-жъ вамъ поможетъ Питеръ?

— «Вотъ видите ли, если мало пьютъ, то нѣтъ средства поправить дѣло: откупъ—банкротъ! а если отличен по кабакамъ хорошія, т. е. хорошо пьютъ, то откупщикъ не успѣетъ выбрасывать денегъ за окно. Пьютъ мало—денегъ нѣтъ въ народѣ; дать народу денегъ и откупъ богатъ!»

— Что же, вы привезете денегъ изъ Питера и раздадите народу, что ли?

— «Нѣтъ, теперь торги въ военномъ вѣдомствѣ на провіантъ; возьму подрядъ, пущу деньги по базарамъ, закупая хлѣбъ, и откупъ поправится».

Вотъ механика откупная!

Еще о NN. Помѣщикъ NN (кажется, Петръ Ивановичъ), человекъ очень умный, изъ зависти къ удачнымъ спекуляціямъ NN, чернилъ его. NN затаилъ злобу. NN любилъ спекуляцію. NN сблизился съ нимъ и предложилъ выгодный оборотъ хлѣбомъ. NN вошелъ въ дѣло пополамъ. Спекуляція лопнула, убытка (говорили) до 60-ти тысячъ. NN смѣялся, а NN — въ нервную горячку. Выздоровѣлъ, пересталъ завидовать и бранить NN, который послѣ доставилъ случай поправить убытки NN.

Читая Записки И. С. Жиркевича, зная хорошо его, удивляюсь его сдержанности—какъ онъ умѣренно относится о характерѣ Андрея Васильевича Бестужева ¹⁾. Можетъ быть, потому мнѣ

¹⁾ Большая часть отзымовъ И. С. Жиркевича объ А. В. Бестужевѣ нами опущена въ печати, точно такъ же какъ мы опускаемъ и теперь нѣкоторыя

такъ кажется, что я лучше зналъ Бестужева, чѣмъ И. С. Жиревичъ.

Припомнился мнѣ одинъ случай, имѣющій нѣкоторый интересъ мѣстныхъ нравовъ, о которыхъ мнѣ не случалось читать. Скоро послѣ перевода казенныхъ крестьянъ въ удѣлъ, Андрей Бестужевъ, лѣтомъ, прїѣзжаетъ ко мнѣ и рассказываетъ, что «получилъ строгое предписаніе отъ Перовскаго: во всѣхъ удѣльныхъ имѣніяхъ учредить картофельныя плантаціи. Вы знаете, что здѣсь мужикъ имѣетъ трехъ-годовалыя кладушки немолоченнаго хлѣба, а картофель не очень любятъ. Приказано—завелъ. Въ Ставропольскомъ уѣздѣ встрѣтилъ затрудненіе». — Какое? — «Крестьяне не хотѣли взять въ руки картофель». — Отчего? — «Они увѣрены, что картофель родился отъ кастраціи собаки, и такое чувствуютъ омерзеніе, что нельзя было заставить дотронуться до картофеля; вынужденъ былъ нарядить здѣшнихъ людей и послать за Волгу. Посадить—посадили, а какъ собрать? не знаю! Вотъ такъ распоряжаются кабинетные хозяева!» — Я посоветовалъ у плантацій поставить караулъ. Бестужевъ смѣялся: «какой тамъ караулъ, когда никто и не подойдетъ къ плантаціи». — Поставьте стариковъ полуглухихъ, полуслѣпыхъ; мальчишки изъ шалости, дразня старика, будутъ воровать, вы знаете: что запрещено, то подслащено.

Послѣ я отъ Бестужева же слышалъ, что мальчишки, тихонько отъ родителей, изъ шалости, въ самодѣльныхъ печкахъ пекли картофель. При случаѣ, я повѣрилъ и нашелъ въ нѣсколькихъ деревняхъ за Волгой сильное предубѣжденіе противъ картофеля. Разубѣдились ли послѣ—не знаю.

Эразмъ Стоговъ.

строки въ очеркахъ Э. И. Стогова: для насъ лица, такія какъ Андрей Васильевичъ Бестужевъ, имѣютъ лишь значеніе по отношенію къ ихъ общественной дѣятельности; А. В. Бестужевъ вѣдалъ и управлялъ многими тысячами удѣльныхъ крестьянъ и дѣятельность его въ этой области всецѣло принадлежить суду его современниковъ и потомства.

Ред.